

исключительно, описанию того или иного сословия русского народа. Каждый класс трудящихся масс, который в других литературах послужил бы только фоном для повести, действие которой происходит в среде образованного класса (как, например, «Woodlandera» Томаса Гарди), в русской повести нашел своего художника. Все великие вопросы, относящиеся к народной жизни и обсуждавшиеся в книгах социально-политического содержания и в журнальных статьях, одновременно нашли отражение и в повести. Зло крепостничества и позднее борьба между крестьянином и растущим купечеством и «властью денег»; влияние фабрик на деревенскую жизнь, крупные артельные рыбные ловли, крестьянская жизнь в некоторых монастырях и жизнь в дебрях сибирских лесов, жизнь городской нищеты и жизнь бродяг, — все это было изображено беллетристами-народниками, и их повести читают с такой же жадностью, как и произведения величайших русских писателей. И в то время, как вопросы вроде будущего крестьянской общины или применения крестьянского обычного права в волостных судах обсуждались в газетах, научных журналах и статистических исследованиях, они разрабатывались также путем художественных образов и типов, взятых из жизни, в повестях и рассказах беллетристов-народников.

Более того, беллетристы-народники, взятые в целом, представляют великую школу реалистического искусства, и в деле истинного реализма они превзошли всех тех писателей, о которых мы упоминали в предыдущих главах. Конечно, русский «реализм», как читатель этой книги мог неоднократно убедиться, представляет нечто совершенно отличное от французского «натурализма» и «реализма» Золя и его последователей. Как мы уже заметили, Золя, невзирая на его пропаганду «реализма», всегда остается неисправимым романтиком в концепции главных характеров, безразлично, принадлежат ли они к «святому» или «злодейскому» типу; и, вероятно, чувствуя сам эту особенность своего творчества, он придавал такое преувеличенное значение «физиологической наследственности» и нагромождению мелких описательных деталей, многие из которых (особенно относящиеся к характеристике отталкивающих типов) могут быть опущены без малейшего ущерба для обрисовки характеров. В России «реализм» Золя всегда рассматривался как нечто поверхностное и чисто внешнее, и хотя наши беллетристы-народники также часто отличались обилием ненужных деталей — иногда чисто этнографического характера, — тем не менее они всегда стремились к тому внутреннему реализму, который заключается в изображении характеров и положений, изображающих действительную жизнь, рассматриваемую в целом. Их задачей было изображение жизни без искажения, хотя бы это искажение сводилось лишь к введению мелких деталей, могущих быть верными, но все-таки случайных, или же в наделении героев пороками и добродетелями, которые хотя иногда и встречаются, но не должны быть обобщаемы. Некоторые из этих беллетристов, как читатели увидят ниже, воздерживались даже от обычного изображения типов и даже от изложения индивидуальных драм нескольких типических героев. Они сделали чрезвычайно смелую попытку изобразить самую жизнь в последовательности мелочных событий, совершающихся в серой и скучной обстановке, вводя в рассказ лишь тот драматический элемент, который является результатом бесконечного ряда мелких и угнетающих мелочей жизни и самых обыденных обстоятельств; и должно сказать, что смелые новаторы достигли значительных успехов в этой новой, созданной ими области искусства — может быть, наиболее трагической из всех других его областей. Другие из этих беллетристов ввели в литературу новый отдел художественного изображения жизни, занимающей середину между повестью, в истинном значении этого слова, и демографическим описанием данного населения. Так, например, Глеб Успенский владел искусством перемешивать художественные описания деревенского люда рассуждениями, относящимися к области народной психологии, причем так умел заинтересовать читателя, что последний охотно прощал ему эти отступления от общеустановленного художественного канона; другие, подобно Максимову, успевали создавать, из чисто этнографических описаний, истинные произведения искусства, несколько при этом не нарушая их научной ценности.

Ранние беллетристы-народники

Одним из наиболее ранних беллетристов-народников был Григорович (1822—1899), человек крупного таланта; его иногда ставили в ряд с Толстым, Тургеневым, Гончаровым и Островским. Его литературная карьера очень интересна. Отец его был русский, а мать француженка, и в десятилетнем возрасте он с трудом понимал по-русски. Его воспитание носило иностранный характер — преимущественно французский, — и он, в сущности, никогда не жил в деревенской обстановке, среди которой